

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

Дочки- матери

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

Татьяна Устинова, Павел Астахов
Дочки-матери

© Астахов П., Устинова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Ощущение, что на тебя на полной скорости несется поезд, априори не может быть приятным. Это Натка хорошо помнила еще с того момента, как попала в ковидный госпиталь. Именно тогда она впервые осознала, каково это – оказаться лицом к лицу с неизбежным, когда от тебя ничего не зависит. Вообще ничего, ни капельки.

Однако испытываемое ею сейчас ощущение было еще хуже. Ей казалось, что она сидит на крыше того паровоза (или тепловоза, в железнодорожных терминах она не очень разбиралась), который на полной скорости несется в бездну, увлекая за собой вагоны. Свистит ветер в ушах, мелькают какие-то незнакомые полустанки, невидимый машинист разгоняет поезд все быстрее, а она, Натка, сидит себе на крыше, не имея возможности ни повернуть несущуюся к краю махину, ни спрыгнуть.

Конечно, в ее случае машинист, управляющий поездом, ей хорошо знаком. Более того, в его роли выступает ее любимый мужчина – капитан Таганцев, да и спрыгнуть с поезда вполне реально. Только в результате этого кульбита можно серьезно разбиться. Точнее, разбить спокойную, устаканившуюся, да что там греха таить, счастливую совместную жизнь с этим самым капитаном Таганцевым.

Буквально в прошлые выходные, когда Натка, чтобы всласть насладиться крайне удавшимся в этом году летом, ездила на дачу, она слышала, как у Татьяны Ивановны Сизовой, ее соседки и по совместительству ангела-хранителя, играла какая-то песня, скачанная из интернета. Пользоваться поисковиком для того, чтобы запускать полюбившуюся музыку, а также выводить ее через большую колонку так, чтобы было слышно на участке, стариков Сизовых, разумеется, научил Сеня.

Нововведение пенсионерам пришлось по вкусу, а блютуз-колонку Натка подарила любимым соседям на очередную годовщину семейной жизни, аккуратно перед началом дачного сезона, так что музыкальным сопровождением теперь могла наслаждаться вся деревня. Вот и Натка наслаждалась, в том числе и песней, в которой

были такие слова: «Смахни осколки и плачь, теперь не будет огня. Из тысячи неудач ты – главная для меня»^[1].

Почти семейная жизнь с Таганцевым могла разбиться именно на такие вот осколки и стать главной неудачей, к чему Натка была категорически не готова. Поэтому старалась удержаться на крыше стремительно несущегося поезда: то упираясь ногами, то хватаясь руками за какие-то неведь откуда взявшиеся металлические поручни. Таганцев, к счастью, ее отчаянных стараний не замечал, полностью уверенный в том, что ведет поезд в правильном направлении.

Например, сейчас состав выдвигался в сторону города Энгельс в Саратовской области. Того самого, из длительной командировки в который Костя совсем недавно вернулся. С победой, разумеется, вернулся, помог тамошним сыщикам вычислить и обезвредить серийного маньяка и, будучи награжденным за усердие отпуском в разгар лета, что, признаться, бывало нечасто, теперь вез в Энгельс Натку, причем по сугубо личным делам.

Сугубо личное дело звали Настей. Настенькой. Настюшкой. И было этому делу два с половиной года от роду. Белокурый ангелочек с огромными синими глазами, которого капитан Таганцев, прямо скажем, вытащил из очень неприятной ситуации, сейчас находился в доме ребенка. Костина идея-фикс заключалась в том, что Настеньку им с Наткой следует усыновить. То есть, разумеется, удочерить. И цель первого визита заключалась в том, чтобы показать Натке ангелочка, чтобы она тут же бесповоротно в него влюбилась. То есть, разумеется, в нее.

Натка, видевшая Настюшку только на фотографии, признавала, что девочка правда чудо как хороша, но вот в своей способности с места в карьер влюбиться в ангела была не уверена. В ее повседневной жизни и так слишком много неопределенности и достаточно суматохи. Старшая сестра Лена всегда называла Натку авантюристкой и вытаскивала из различных историй, в которые младшая попадала с завидной регулярностью.

Сын-второклассник Сеня, которого Натка с самого рождения воспитывала одна, находился на пороге подросткового возраста, и Натка, глядя на племянницу Сашку, дочь Лены, подозревала, что гладко этот период точно не пройдет. Если уж для благоразумной Сашки не прошел, то для неугомонного Сени, выдумщика и предприимчивого фантазера, не пройдет точно.

Кроме всего прочего, несмотря на решительный и бесшабашный характер, судьбоносные решения Натке всегда давались непросто. К примеру, она никак не могла решиться выйти замуж за Костю, с которым встречалась уже несколько лет и который почти уговорил ее стать его законной женой. Вот только короткое слово «почти» было в этом вопросе ключевым и последнего шага – через порог ЗАГСа – Натка так и не сделала. А тут ребенок. Чужой, достаточно большой, наверняка не очень благополучный. А что? Дети из нормальных семей в доме ребенка не оказываются.

Но Константин был так взволнован судьбой девочки, так рвался забрать ее в нормальную семью, компенсировать те страдания, через которые Настюшке довелось пройти, что сказать вслух о своих сомнениях Натка не могла и сейчас покорно ехала в Энгельс, посмотреть на Настеньку. В голове крутился дурацкий мем, взорвавший интернет. «Вы рыблов продаете? Нет, только показываем. Красивое». Вот и она пока ехала только смотреть, а не «покупать», и эта мысль хоть немного успокаивала. Время до окончательного принятия решения еще есть.

Она даже Лене не рассказала о том, куда и зачем они с Таганцевым едут. Не хотела, чтобы кто-то знал до тех пор, пока обратного хода точно не будет. Натка и сама не понимала, чего больше боится: что старшая сестра раскритикует идею, сказав, что у них с Таганцевым «не все дома», или, наоборот, того, что горячо поддержит. Зная Лену, можно было допустить оба варианта.

Сеня опять гостил в деревне у Сизовых, и Натка была очень благодарна соседям, что те, уже в который раз, выручают ее на школьных каникулах. Сеня проводил у них большую часть лета,

потому что плюсы свежего воздуха, фермерского молока, теплой речки и веселой деревенской компании трудно было переоценить. Если бы не Татьяна Ивановна и Василий Петрович, сидеть бы Сеньке в московских каменных джунглях. Конечно, непоседливость ее сына доставляет соседям немало хлопот, но те, не имея своих детей, мальчика любят как родного внука, да еще и программу для чтения на лето осилить помогают. Сама Натка бы точно не справилась. Сдалась. Какой современный ребенок летом готов читать книги, скажите на милость.

В общем, Сеня был пристроен еще минимум на неделю. Лето кончалось, до первого сентября рукой подать, поэтому поездку в Энгельс решили не откладывать, во-первых, и отправиться на машине, а не на поезде, во-вторых, восемьсот пятьдесят километров, которые предстояло преодолеть по трассе, для опытного водителя Таганцева препятствием не являлись, а наличие машины жарким летом, да еще когда едешь в город, расположенный на Волге, выглядело значимым преимуществом. Пусть маленькое, но все же путешествие. К тому же после всевозможных ограничений в последние годы Натка соскучилась больше всего по путешествиям.

Сейчас, собираясь в дорогу, она вспоминала, как впервые услышала от Таганцева про Настюшу. Случилось это в апреле, в тот самый момент, когда зима уже сдавала свои позиции, но весна задержалась где-то на подходах. Или это Натка после больницы постоянно мерзла и хандрела без уехавшего в командировку Кости, по которому, оказывается, тосковала гораздо сильнее, чем могла себе представить.

Он занимался важным и сложным делом, однако звонил каждый день, стараясь, насколько это возможно, поднять настроение любимой женщине и развеять овладевшие Наткой хандру и апатию. Рассказывать он пытался что-то либо веселое, либо нейтральное, что с его работой было довольно трудно, особенно учитывая то обстоятельство, что ловили они в то время серийного убийцу. Но Костя старался.

В тот день Натка по первым словам любимого поняла, что он расстроен, причем довольно серьезно.

– Что-то случилось, Кость? – спросила она осторожно. Вмешательства в рабочие дела Таганцев не терпел.

– Да я сегодня был в областной детской больнице и целый день не могу отойти от увиденного, – признался он.

Натка ничего не поняла. При чем тут областная больница, да еще и детская. А Таганцев объяснил, что к чему. В социальных сетях он наткнулся на шум, поднятый женщинами, лежавшими в областной детской больнице со своими маленькими детками. Одна из девочек в палате оказалась из дома ребенка, а потому лежала целыми днями совсем одна. Понятно, что ребенку двух с половиной лет трудно объяснить, почему надо лежать, когда тебе, к примеру, ставят капельницу, поэтому медсестры девочку привязывали на время процедуры, да и после отвязать, бывало, забывали.

Часами к малышке никто не подходил. Ее даже умывали не каждый день. Понятно, что сердобольные соседки по палате старались помогать как могли, но у каждой из них на руках свой больной и капризный ребенок. Когда же они обращались к персоналу с просьбой как-то внимательнее относиться к девочке, которую звали Настей, то слышали в ответ, что рук не хватает, забот и так слишком много, а ребенок детдомовский, поэтому жаловаться никто не будет, да и отвечать не придется.

По словам автора поста, которая несколько дней наблюдала подобное халатное отношение медперсонала к никому не нужной Насте, девочку привезли в больницу по «Скорой» с высокой температурой и сильной рвотой. Случилось это поздно вечером, но до самого утра к малышке никто так и не подошел. Организм сам справлялся с жаром, и к утру Настюша совсем обессилела.

Завтрак ей принесли, как и всем остальным детям, но других малышей кормили их мамы, а у Насти не было сил самой держать ложку, да и сидеть она не могла. Поэтому, когда пришла пора собирать пустые тарелки, всю Настину еду унесли нетронутой, даже

не обратив внимания, что ребенок остался голодным. Уколы малышке делали, не меняя перчаток, а когда одна из женщин сделала медсестре замечание, та с брезгливой гримасой сказала: «Да что ей сделается, детдомовской?»

Прочитав эту историю, Таганцев почему-то никак не мог успокоиться. Казалось бы, у него было свое важное дело, требующее холодной головы и полной сосредоточенности, однако мыслями он то и дело возвращался к судьбе несчастной Насти, которой не повезло оказаться в доме ребенка, а потом еще и попасть в больницу, где до нее никому не было никакого дела.

Решение съездить в больницу и своими глазами посмотреть на ребенка пришло неожиданно. Тот факт, что все лечебные учреждения были закрыты на карантин и посетителей туда не пускали, Константина не смущал. Его удостоверение московского опера открывало и не такие двери. В больничной палате он и увидел Настю в первый раз. Несчастный ребенок опять лежал, привязанный к кровати за ручки собственными колготками. Капельница у нее давно кончилась, но снимать ее никто не торопился. Девочка не плакала, лишь смотрела ярко-синими глазенками на то, как увлеченно играют на своих кроватях другие дети. Когда Таганцев увидел ее бледное, не по-детски серьезное личико с огромными, словно бездонными глазами, у него зашло сердце.

– Понимаешь, – рассказывал он вечером Натке, – у ребенка, которому нет трех лет, глаза взрослого человека. Вот я, сама понимаешь, много чего в этой жизни видел, а более страшной картины не припомню. Не должно так быть, чтобы больные дети оставались совсем одни, наедине с болью и страхом. Неправильно это. Вот только что делать, я не знаю.

– Зато я знаю, – выпалила Натка. – Надо позвонить Лене, она обязательно что-то придумает.

– Ну, что ты выдумываешь, как это Лена сможет помочь. Это в Москве она – судья, а за ее пределами такой же гражданин Российской Федерации, как и мы с тобой. Заставить по-человечески

относиться к больным детям она не сможет. Никто не сможет компенсировать отсутствие человечности и эмпатии. Понимаешь?

– Никто не сможет, а Лена сможет, – убежденно сказала Натка. В умении своей старшей сестры с блеском решать самые сложные проблемы она не сомневалась ни капельки. – Она Плевакина подключит, а он знаком с Артемом Павловым, который уполномоченный по правам детей. Тот уж точно сможет в этой больнице какую-то проверку устроить. В общем, звони Лене, объясняй ситуацию, я совершенно уверена, что все получится.

Разумеется, Натка оказалась права. Лена к истории про несчастную брошенную в больнице сиротку отнеслась со всей серьезностью. С председателем райсуда Плевакиным поговорила, тот свои связи задействовал, и к решению проблемы подключились и уполномоченный по правам ребенка, и какие-то депутаты Госдумы.

После того как история попала в СМИ, прокуратура и Следственный комитет тоже не остались в стороне, против медсестры, которая допустила незаконное лишение свободы несовершеннолетнего, а именно так на юридическом языке называлось привязывание маленького ребенка к кровати, возбудили уголовное дело, которое грозило той лишением свободы на срок от трех до пяти лет, а действия или бездействие руководства больницы проверяли на халатность.

В общем, шум тогда вышел большой, к Настюше в больнице приставили няню, которая умывала и кормила девочку, когда той разрешили вставать, водила ее в игровую комнату и на прогулку, читала ей книжку, и через месяц Настю выписали полностью здоровой, после чего она вернулась в дом ребенка.

Впрочем, уполномоченный по правам ребенка на этом не остановился и добился, чтобы премьер-министр страны подписал специальное постановление об обязательном сопровождении детей-сирот во время лечения в больнице. Теперь с ними в лечебное учреждение должен был отправляться взрослый – либо сотрудник

детского дома, либо волонтер или представитель НКО. Конечно, речь шла только о маленьких детях, таких как Настюша, но постановление, которого так долго ждали благотворительные организации, решило огромную проблему.

Другими словами, то ли Настя с ее синими глазами, то ли неравнодушный Таганцев, не прошедший мимо чужой беды, то ли счастливое стечение обстоятельств, позволившее судье Елене Кузнецовой вовлечь в ситуацию сильных мира сего, сдвинули с места огромный воз и позволили тысячам одиноких больных малышам не оказаться без заботы и внимания. Натка всей этой историей вообще и капитаном Таганцевым в частности очень гордилась, но искренне считала эту страницу жизни перевернутой. Тем больше она удивилась, когда выяснилось, что Константин считает иначе.

До своего возвращения в Москву он несколько раз наведывался к девочке в больницу, а после ее выписки и в дом ребенка. А потом предложил Натке для начала съездить и познакомиться с синеглазой красоткой поближе, чтобы потом обсудить возможность ее удочерения. И вот теперь Натка вдумчиво собиралась в дорогу, одновременно прикидывая, кого оставить ответственным за кота.

Воландеморт, в просторечии Венька, появился в их доме зимой и стал неотъемлемой частью Сеньки, вот только при отправке сына в деревню было принято решение оставить непривычного к сельской жизни кота в городе на попечении Натки. Кто ж тогда мог подумать, что ей придется уехать на несколько дней. Теперь же проблема выдачи животному корма и уборки кошачьего туалета встала во весь рост. Пришлось звонить сестре и признаваться, что они с Костей уезжают.

– В Заволжье? – удивилась Лена, услышав от сестры конечный пункт назначения. – Чего это Таганцева по местам боевой славы потянуло? Или у вас там дело какое?

– Какое у нас может быть дело? – лицемерно удивилась Натка. – Таганцеву отпуск дали. Вот мы и решили прокатиться на машине,

поймать последние деньки лета, искупаться в Волге. Что ты тут видишь странного?

– Сама не знаю, – задумчиво протянула Лена. Умела она зрить в корень. Не зря столько лет судьей проработала. – Но счастливого вам пути, конечно. Веньку к себе не заберу. Он у вас такой шебутной, что не разобьет, то уронит. Попрошу Сашку раз в день наведываться к вам домой, выдавать «овса» да лоток чистить. Вы на сколько дней едете-то?

Ответа на этот вопрос Натка и сама не знала. Одно дело – если они просто посмотрят на девочку, переночуют в какой-нибудь гостинице, искупаются в Волге и двинут в обратный путь. Другое – если начнут собирать документы, необходимые для усыновления. Кстати, понимать бы еще, как это делается. Лена наверняка знает, но у нее ведь не спросишь.

– Дней пять, я думаю, – сказала она уклончиво. – В конце концов, мы же на связи будем, так что точнее я тебе позже скажу. А Сашке с моего отъезда один профит. Свободная хата в ее возрасте... Да я в молодые годы о таком могла только мечтать.

– Э-э-э, мечтательница, – остудила ее пыл Лена. – Ты не вздумай своими мыслями про возможный профит с Сашкой поделиться. Ей, слава богу, есть о чем думать и чем заниматься и без свободной хаты.

– А я что? Я ничего! – бодро соскочила с темы Натка. – Я имела в виду, что она сможет видео для своего блога снимать в новой локации. Ну, то есть в новом интерьере. Чем плохо? Опять же Венька у нас звезда. Может, и он ей в качестве героя для публикаций пригодится. В общем, следите за котом, я поехала.

* * *

Утром я проснулась все с тем же чувством, с которым открывала глаза на протяжении последних двух недель. Чувство было

приятным – искренняя незамутненная радость. С учетом того, что оно пришло на смену тревоге, которая грызла меня изнутри с начала мая и до середины августа, оно казалось приятным вдвойне. Впервые за несколько месяцев, с начала этого самого проклятого ЕГЭ, наконец-то можно было ни о чем не тревожиться. Выпускная пора в средней школе и период вступительных испытаний в институте позади. И Сашка выдержала эти непростые испытания с честью, поступив на бюджет.

Не то чтобы я ставила перед ней такую цель, как единственно возможную. Нет, наоборот, не понаслышке зная, как тяжело дети переживают возможные неудачи на ЕГЭ, зачастую прощаясь со здоровьем, а иногда даже и с жизнью, я еще в начале последнего для дочери учебного года твердо сказала, что ставить на кон жизнь и здоровье мы не будем. Не поступит на бюджет – станем учиться платно.

Сашка тогда только фыркнула презрительно. Она вообще последнее время вела себя в нашем женском тандеме как старшая. Уж более мудрая, так точно. По правде говоря, всю истерию с выпускными экзаменами и поступлением в вуз она перенесла гораздо спокойнее, чем я. Делай что должно, и будь что будет. Вот каким философским принципом руководствовалась моя взрослая дочь.

Конечно, насчет выбора института мы немного поспорили, не без этого. Ставшая довольно известным (в узких кругах, конечно, но все же) блогером, специализирующимся на теме красоты и моды, и привыкшая к свободным деньгам Александра первоначально планировала получить какую-нибудь модную и подходящую к ее образу жизни профессию, а потому присматривалась к Институту кино и телевидения. Однако шансы поступить туда были весьма невелики.

Существенные коррективы внесло и крушение блогерской карьеры в «Инстаграме», в одночасье превратившемся в экстремистскую организацию. Нет, блог свой Сашка по-прежнему

вела, однако число подписчиков в нем ощутимо уменьшилось, а реклама и вовсе сошла на нет. Я, признаться, переживала, как это скажется на неокрепшей юношеской психике, но моя дочь в очередной раз сумела меня удивить, поскольку отнеслась к случившемуся со здоровым фатализмом.

Быстро зарегистрировала аккаунт «ВКонтакте» и «Телеграме», перенесла туда основной контент, каким-то образом переориентировала аудиторию, подала заявку на участие в какой-то околосударственной программе по поддержке молодых блогеров, и хотя уровень доходов до того, что было, пока не дотягивал, на карманные расходы ребенку все равно хватало.

Неочевидным последствием случившегося стало решение Сашки получить нормальное классическое образование, которое позволило бы зарабатывать на жизнь без учета модных веяний, которые, как оказалось, сильно зависят от любой конъюнктуры, включая политическую. Конечно, мать-судья робко намекала на то, что юриспруденция будет востребована всегда, однако нырять в законы и кодексы моя дочь не хотела категорически.

На предложение рассмотреть экономику или журналистику она фыркала, будучи с юношеским максимализмом уверенной в том, что в ближайшие годы эти науки ждет неминуемая стагнация, а за ней и отсутствие достойных предложений на рынке труда. Медицина мою дочь никогда не прельщала, впрочем, как и педагогика, а потому выбрала она направление, которое сама считала перспективным, – туризм.

– Не будет внешнего, останется внутренний, – бодро сказал ребенок, взялся за учебники, сам оплатил себе репетиторов и таки стал студентом первого курса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заняв одно из семидесяти пяти бюджетных мест.

Признаться, как железная логика, которой Сашка руководствовалась при выборе будущей специальности, так и целеустремленность, с которой она перла напролом по направлению

к студенческому билету, меня не только поразили, но и порадовали. В конце концов, любой матери приятно осознавать, что единственный ребенок вырос не балбесом. Да и финансовая сторона вопроса, признаться, играла не последнюю роль. Учиться на бюджете лучше, чем платить за образование. Это даже и объяснять не надо.

И все же, хотя Сашка и проявляла чудеса самостоятельности и благонравия, я даже самой себе не признавалась, насколько переживала из-за ее перехода из школьниц в студентки. Масштаб напряжения, в котором я прожила с мая по август, осознался только тогда, когда оно наконец схлынуло, то есть в тот день, когда на сайте вуза появились списки зачисленных и я своими глазами увидела в них Сашкину (и свою) фамилию. И вот уже две недели я просыпаюсь по утрам с ощущением полного счастья и небывалой легкости, честно сказать, довольно непривычным.

До начала учебного года еще десять дней, и Сашка проводила последние деньки в блаженном ничегонеделании, не считая, конечно, своего блога, который для нее все так же важен. Кажется, сегодня у них с Машей, ее подругой и соавтором блога, намечался какой-то выезд на озеро Сенеж – они получили заказ на освещение достоинств муниципального пляжа Солнечногорска.

Его оборудовали как новое общественное пространство совсем недавно, оснастили деревянными настилами, кабинками для переодевания, теньевыми навесами, спасательными вышками. Признаться, на картинках выглядит прилично, жаль, что я из-за нехватки времени вряд ли смогу туда доехать. А девчонки решили воспользоваться последними жаркими деньками и совместить приятное с полезным. И работу выполнить, и денежку заработать, и позагорать, и накупаться.

Маша – настоящая актриса, студентка одного из театральных вузов, признаться, я все время забываю, какого именно. Когда они только начали дружить, я переживала, что Сашку тоже потянет к богемной жизни. Не то чтобы я считала ее плохой или недостойной,

просто мой образ жизни так далек от киношно-театральной тусовки, что я боялась, что мы с Сашкой, выбери она себе такую профессию, начнем неумолимо отдаляться друг от друга.

Но моя разумная дочь предпочла жить по принципу «дружба дружбой, а табачок врозь». Я же уже говорила, что она абсолютно адекватно оценивает себя и свои способности, а потому понимает, что актерского дарования ей бог не отсыпал от щедрот своих, а без таланта идти в эту профессию не стоит.

– Ма-ам, – звонкий голос дочери вывел меня из ставших привычными утренних размышлений о том, какая она у меня молодец. – Вставай, я там завтрак приготовила.

– С чего это? – удивилась я, поскольку излишнего рвения в домашних делах моя дочь не проявляет. Завтраки в нашей семье обычно готовлю я.

– У меня с утра занятие по вождению, я специально время пораньше выбрала, пока машин еще немного. Голодной я ездить не могу, потому что меня от волнения тошнит, не тебя же будить, я ж не зверь. Так что я приготовила яйца-пашот на листьях салата «Айсберг» и с кусочками авокадо. И на тебя заодно тоже. Правда, в твоем случае к завтраку прилагаются еще обжаренные тосты.

– А ты, я так понимаю, обошлась без них? – спросила я, вылезая из кровати и ступая ногами на теплые уже с утра половицы.

Что за август такой удивительный. С самого утра больше двадцати градусов на улице, а днем уже которую неделю подряд плюс тридцать два обещают.

– Я, мамочка, как ты помнишь, хлеб не ем. Конечно, когда ты не искушаешь меня с утра разными вкусными бутербродами.

– Да я их и сама люблю, – засмеялась я. – Так что никто тебя специально не искушает. У тебя занятие на час? С кем? С инструктором?

Зимой Сашка, не выдержав мук зависти из-за того, что ее друг Фома Горохов получил права и теперь с полным на то правом может водить отцовскую машину, записалась на курсы вождения.

Собственно, оплатила она их себе тоже сама, чем страшно перед другом гордилась. Я была уверена, что если эта молодежь и поссорится, то именно из-за того, что Сашка все время козыряет перед Фомой своими заработками. С мужчинами так нельзя, сами понимаете.

Но моя дочь, оказывается, обладает не только житейской, но и женской мудростью. По крайней мере, она точно лучше меня знает, как вести себя с мужчинами, чтобы их не отпугивать, потому что с Фомой они остались неразлучны, парень вместе с другом раскрутил собственный бизнес, который Сашка безвозмездно рекламирует в своем блоге, а за это он пускает ее за руль, позволяя тренироваться чаще, чем это предусмотрено платным инструктором.

В начале сентября у нее экзамен на получение прав, и я точно знаю, что его она боится больше, чем ЕГЭ, поэтому зубрит правила, решает карточки и тренируется ездить по московским улицам каждую свободную минуту. Естественно, что, когда она ездит с Фомой, я переживаю не на шутку. Во-первых, это незаконно, парень и сам за рулем без году неделя. А во-вторых, в машине Фомы запасных педалей нет, так что все может случиться.

– С инструктором, – успокоила меня дочь. – Мама, ты же знаешь, что Фома меня на улицах за руль не пускает, только на специальной территории и только для того, чтобы отрабатывать «площадку». Ему штрафы не нужны, да и возможные аварии тоже. Машина-то отцовская. Так что езжу я с инструктором, а потом Фома меня забирает, мы вместе едем за Машкой и стартуем в Солнечногорск.

– Саша, я тебя умоляю, пожалуйста, аккуратнее. И на дороге, и в воде, и вообще.

– Мамочка, я тебя уверяю, что в мои планы не входит тонуть или попадать в аварии. Мне очень нравится моя жизнь, и в ближайшее время она должна стать еще интереснее и насыщеннее. Так что я буду очень-очень осторожна.

Сашка чмокнула меня в щеку, ураганом пронеслась в прихожую, одетая в шорты и белую футболку, вставила ноги в балетки, схватила

заранее собранную сумку-рюкзак и исчезла. На прощание хлопнув входной дверью. Я перевела взгляд на часы, которые показывали без пятнадцати семь. Да, моя целеустремленная дочь точно знает, чего хочет от жизни. Тяжело вздохнув от того, что, пожалуй, не могу сказать того же самого про себя, я поплелась на кухню, где меня ждал полезный и здоровый завтрак, правда, с хлебом.

Отдав дань яйцам-пашот, оказавшимся настолько вкусными, что даже авокадо их не портил, я пила уже вторую чашку кофе, когда позвонила моя подруга Машка. Наверное, есть что-то важное в том, что и у меня, и у моей дочери лучших подруг зовут одинаково, а может, это всего-навсего совпадение, но у нас обеих есть по своей Машке.

Моя – отличная хозяйка, умудряющаяся держать в узде мужа, с которым они много лет живут душа в душу, и двух сыновей. Как ей это удастся, ума не приложу. Конечно, готовит Машка так, что не только пальчики оближешь, но и ум отъешь, но не на ее же фирменных котлетках столько лет держится брак. Впрочем, Машка уверяет, что именно на них, тактично не заостряя внимания на моих более скромных кулинарных талантах. Правда, про мое неумение выбирать «не тех» мужчин она высказывается с гораздо меньшим тактом.

– Кузнецова, ты почему, уезжая вчера с дачи, кабачки не забрала? – строго спросила Машка, когда я ответила на звонок. – Ты же радовалась, что из них можно наготовить массу диетических блюд, которые Сашка будет жрать, потому что они не нарушают диету. Говорила или нет?

– Говорила, – признала я.

– Так чего не забрала?

– Забыла.

– Забы-ыла, – передразнила Машка, причем, ни чуточки не похоже. – Как говорила моя классная руководительница Марья Степановна, царствие ей небесное, а голову ты свою не забыла?

Вспомнив это распространенное школьное выражение, я не выдержала и засмеялась. Нет, как же чудесно, что в это первое сентября в школу не надо идти не только мне, но и Сашке. Все, что связано со школой, можно вычеркнуть из памяти как страшный сон. И форму, и обязательную покупку канцтоваров, и мытье окон, и бесконечные сборы денег на нужды класса и школы, и родительские собрания, и...

– В общем, корзину с кабачками я сегодня привезу на работу, – ворвалась в мои мысли подруга. – Я туда еще помидоры положила, перцы, лук, чеснок, огурцы и один баклажан. Если потушить все вместе, то очень вкусно получится. Только без огурцов.

– Маш, я вообще-то тоже готовить умею, – немного обиделась я.

– Умеешь, кто ж спорит, – покладисто согласилась подруга, – но соте будешь тушить по моему рецепту, чтобы получилось не просто вкусно, а божественно. Поняла?

– Поняла.

– А к огурцам я тебе еще всякой зелени для засолки положила. Не захочешь мариновать, просто зальешь холодной водой, чтобы получились малосольные.

Моя подруга – на удивление практичная особа. У нее в хозяйстве ничего не пропадает, последнему листочку и росточку находится применение. И как у нее после нашей не самой простой в мире работы хватает сил на то, чтобы тащить на своих плечах еще и дачные заготовки, я понятия не имею. Моя Сашка называет это «битвой за урожай», хотя, на мой непросвещенный взгляд, это, скорее, выглядит битвой с урожаем. Бессмысленной и беспощадной.

Я представила, как буду выглядеть в судебной мантии и с корзиной, из которой торчат зонтики укропа, и захохотала в голос. Машка мой смех восприняла как попытку уклониться от засолки огурцов.

– Лена, – сказала она, и голос ее прозвучал отчего-то жалобно, что вообще-то моей подруге несвойственно, – ну, будь ты человеком. Я бы, конечно, могла засолить на тебя огурцы, но у меня на эти

банки и дары природы глаза не смотрят, честное слово. Урожай в этом году прет так, что я не знаю, куда от него деваться. Вот давала же себе в прошлом году честное слово, что ни за что не буду сажать столько огурцов, и самое обидное, что его сдержала. В прошлом году восемнадцать кустов было, в этом только десять, а урожай в два раза больше, представляешь? Я уже и рассольника тридцать банок закатала, и двадцать трехлитровок с солеными огурцами в подвал спустила, и маринованные огурцы законсервировала, а они все не кончаются.

Представив, как по такой жаре Машка стерилизует банки и кипятит рассол, я содрогнулась. Подругу мне незамедлительно стало жалко, поэтому я торжественно пообещала, что приготовленную корзину заберу и доверенный мне урожай переработаю. Что ж, сегодняшний вечер придется провести не за книгой и не перед телевизором, а на кухне. Признаться, от этой мысли мне стало довольно тоскливо.

Следующий телефонный звонок был от Натки. Моя сестра вообще-то любительница поспать утром подольше, благо ее работа вполне это позволяет. Сын ее, мой неугомонный племянник Сенька, в деревне, так что с завтраком с утра заморачиваться не надо. И чего это она в такую рань проснулась? Или у нее ночует Таганцев, а потому сестрице, хочешь не хочешь, а надо собирать бравого капитана на работу?

Причина раннего звонка выяснилась сразу. Натка с Таганцевым, оказывается, уезжали в недельный отпуск на Волгу, а потому на меня и Сашку падала забота по кормежке кота Веньки. Замечательно, еще и кот на мою голову. Если бы не бандитский характер кота, его, конечно, можно было бы забрать к себе, чтобы не мотаться каждый день к сестре на квартиру, но делать очередной ремонт я была категорически не готова. Что ж, к счастью, Сашка пока не ходит в институт, а у ее друга Фомы есть машина, с которой кормежка кота и вовсе перестает быть проблемой.

Признаться, неожиданный отъезд сестры меня удивил. Мы виделись в пятницу, после работы, и ни о какой поездке на Волгу даже речи не шло. Впрочем, особенности Костиной работы мне понятны, отпуск на несколько дней ему мог выпасть совершенно неожиданно. В Турцию по горячей путевке наверняка дорого, а погода стоит хорошая, почему бы и не искупаться в Волге, заодно изучив новые для себя места.

Последняя командировка Таганцева была как раз в Заволжье. Зная компанейский Костин характер, можно было не сомневаться, что у него там осталось немало новых друзей, которые будут просто счастливы принять у себя Таганцева вместе с дамой его сердца. Так что сестре я пожелала счастливого пути, пообещав кормить Веньку и убирать последствия его жизнедеятельности.

Распрощавшись с Наткой, я начала собираться на работу. Если моей сестре начавшийся понедельник принес путешествие и начало короткого, но все же отпуска на Волге, а моей дочери – приятный отдых на озере Сенеж, то мне не светило ничего, кроме дня, наполненного судебными заседаниями. Впрочем, как и обычно.

* * *

Когда Натка с Костей выехали из Москвы, часы показывали 9.21. Таганцев, конечно, анонсировал выезд в семь утра, путь предстоял неблизкий, но Натка на то и женщина, чтобы копать по утрам. Как говорится, понять и простить. Костя, конечно, понял и простил, как вообще всегда прощал Натку. Любил потому что, а она этим нахально пользовалась.

Утренние пробки на улицах, конечно, уже были, не то что в семь утра, но Костя не ворчал, понимая, что «фарш невозможно повернуть назад». Ну, не выехали вовремя, так что ж теперь. За стеклами автомобиля промелькнули указатели Совхоза имени

Ленина, Видного, Калиновки, потом проехали Горки, Белеутово, Горки Ленинские, Домодедово и Ям.

– Между прочим, – решила блеснуть знаниями Натка, – слово «ям» с XIII по XVIII век на Руси означало почтовую станцию, где содержали разгонных ямских лошадей, а еще обустроивали постоянные дворы для отдыха ямщиков. А именно это село находилось в то время на расстоянии одного ямского гона от Москвы, поэтому здесь путешественники в первый раз меняли лошадей.

– Ну, нам-то свою лошадь менять не надо, – засмеялся Костя и ласково погладил руль. Машину он считал живым существом и, Натка знала, всегда с ней разговаривал, когда думал, что никто не слышит.

– Нам – нет, но кофе выпить можно, – заканючила Натка. – Нет, ну, правда, Кость, давай остановимся, будем пить кофе и представлять, что мы на постоялом дворе.

– Наташ, мы всего тридцать километров проехали из восьмисот пятидесяти. Ты собираешься на дороге ночевать? Если хочешь кофе, то покопайся в сумке на заднем сиденье, я термос захватил. Знал же, что ты обязательно кофе залягнешь. Так что до Тамбова остановки только санитарные.

– А в Тамбове что? – с подозрением спросила Натка.

– А в Тамбове – обед. Он как раз примерно на середине пути, так что остановимся там передохнуть на час и дальше в путь. Поняла?

– Мальчик хочет в Тамбо-о-о-ов, ты знаешь, чики-чики-та^[2], – запела Натка и деловито полезла на заднее сиденье за термосом.

Ей было немного стыдно, что захватить с собой кофе догадалась не она. Конечно, Костя, в отличие от нее, бывалый командированный, знает, что нужно брать с собой в долгую дорогу.

У Таганцева вообще любое дело ладилось, все ему в этой жизни было к рукам и по плечу. И кран заменить, и машину починить, и с любой другой житейской неурядицей разобраться. Этим его свойством всю пользовалась не только Натка, но и ее сестра Лена. Вообще-то ее старшая сестра познакомилась с тогда еще младшим

лейтенантом Таганцевым первой и даже имела с ним непродолжительный роман, но потом познакомила ухажера с младшей сестрицей, и тот, пораженный Наткиной красотой, что называется, пропал.

Натка всегда с благодарностью думала о том, что во многих семьях такой кульбит привел бы если не к полному разрыву семейных связей, то к холоду в отношениях точно, но Лена не была бы собой, если бы обиделась на то, что сестра отбила у нее кавалера. Наоборот, за Натку она искренне радовалась, надеясь в глубине души, что серьезный и обстоятельный Таганцев отучит ее сестрицу влезать в любые валяющиеся на дороге неприятности, а с Костей просто продолжала дружить. Ну и пользоваться его незаменимостью в трудных ситуациях, разумеется.

Влезать в неприятности Натка, впрочем, не перестала. С ней постоянно что-то случалось, то ли в силу врожденного авантюризма, то ли от невезучести, вот только теперь из разных историй ее вытаскивала не только старшая сестра, но еще и капитан Таганцев. Как ни крути, а Лене хоть какое-то облегчение.

Через шесть часов пути они приехали в Тамбов. Непоседливой Натке дорога, признаться, порядком наскучила, поэтому она с радостью вылезла из машины, попрыгала, чтобы размять ноги, и увидела вывеску кафе, в которое ее привез Таганцев. «Автосуши. Автопицца» было написано на нем. Ну, конечно, Костя не мог забыть об огромной Наткиной любви к японской еде, а потому постарался и в путешествии позаботиться о том, чтобы она могла получить удовольствие. Она с чувством расцеловала капитана в обе щеки.

– Спасибо тебе, – сказала Натка, примерилась и поцеловала Таганцева еще раз, теперь уже в губы. – Ты всегда все продумываешь. С тобой действительно можно отправляться в любой поход.

– Лучше бы ты наконец отправилась со мной в ЗАГС, – проворчал Костя.

– И что, скажи мне на милость, поменяет штамп в паспорте? – Этот спор они вели уже не в первый раз. – Если людям вместе хорошо, то ничего. А если плохо – тем более.

– Если плохо – не наш случай. А штамп в паспорте дал бы мне возможность заботиться о тебе на законных основаниях. Вот попадешь опять в больницу, а меня к тебе не пустят, потому что официально я тебе никто.

– В больницу я больше не собираюсь, – от воспоминаний о том, как полгода назад она оказалась в ковидном госпитале, Натку передернуло. – Спасибоочки.

– Ну хорошо. Я окажусь в больнице. Будет то же самое.

– И ты ни в какой больнице не окажешься. Типун тебе на язык, Костя, – рассердилась Натка. – Хватит болтать. Пошли суши есть.

За соседним столиком в кафе оказалась молодая семья, которая невольно привлекала внимание. Высокие, спортивные, светловолосые, даже внешне похожие друг на друга муж и жена и с ними двое детей. Мальчик лет шести был точной копией родителей – такой же светленький. А вот кроха-дочка, сидевшая в коляске и постоянно вертевшаяся, оказалась смуглянкой с темными колечками кудряшек на голове. Интересно, неродная или причуды наследственности?

Родители ели суши, старшему мальчику была заказана детская пицца, а вот крохе в коляске было выдано детское пюре, которое можно было сосать из мягкого тюбика, особо не боясь испачкаться. Впрочем, дети во время еды пачкаются всегда, поэтому именно в тот момент, когда Натка рассматривала семью, малышка посильнее нажала на пакетик, яркая оранжевая струйка выплеснулась наружу и шмякнулась на штанишки.

– Павлик, вытри сестру салфеткой, – тут же отреагировала женщина.

Мальчик беспрекословно взял со стола бумажный квадратик, заботливо собрал пюре с коленок сестры, выбросил салфетку в опустевшую тарелку.

– Ну что же ты, Оля, – приговаривал он при этом, – аккуратнее же нужно кушать. Вот смотри, как надо это держать. Давай, я тебе покажу.

Натка от этой умильной картины расплзлась в улыбке. Все-таки хорошо, когда в семье двое детей. Старший ребенок учится заботе о младшем, а тот всегда может в этой жизни рассчитывать не только на родителей, но и на старшего брата или сестру. Вот как она всю жизнь рассчитывает на Лену. Может, это не Таганцев, а сама судьба толкает ее к тому, чтобы в семье появился второй ребенок? Сенька, конечно, растет чудесным мальчиком, но все-таки видно, что он – единственный сын и племянник, да и соседи по даче в нем души не чают, а потому постоянно балуют. Ему было бы полезно поучиться ответственности за другого человека.

– Смотри, а малышка-то наверняка приемная, – шепнул ей на ухо Костя, тихо, чтобы за соседним столиком не услышали.

– Думаешь? – спросила Натка. – Может, просто девочка в какого-то дальнего родственника пошла?

– Нет, что ты, сразу же видно, что у нее южная кровь в жилах течет, – покачал головой Костя. – Видишь, ничего страшного в усыновлении детей нет. И мальчик такой трогательный... Так о сестренке заботится.

– Я тоже сразу подумала о том, что у старшего ребенка в такой ситуации вырабатывается чувство ответственности, – призналась Натка. – И моему Арсению это было бы совсем нелишним. И все-таки у меня столько вопросов, как жаль, что воспитание не позволяет мне подойти к незнакомым людям и напрямую спросить, как они на такое решились и какие трудности преодолевали.

– Поверь, Натка, на все вопросы ты обязательно получишь ответы, – серьезно сказал Костя. – Все будет хорошо, вот увидишь.

В половине пятого вечера они двинулись в дальнейший путь. Натка с интересом смотрела по сторонам. Всегда любопытно рассматривать населенные пункты, в которых ты никогда не был. А еще придумывать биографии людям, которые тут живут. Например,

в Рассказове по вечерам можно собираться вместе и рассказывать друг другу сказки или фантастические истории. В Красных Гривках – купать коней, разумеется, красных, как на знаменитой картине Петрова-Водкина, в Большой Осиновке собирать подосиновики, а в поселке Светлый совершать только добрые дела.

Погруженная в свои мысли, она и не заметила, как они оказались сначала в Саратове, а потом и в конечном пункте своего назначения – Энгельсе. Часы показывали половину девятого вечера – еще масса времени для того, чтобы спокойно поужинать перед тем, как лечь спать. И ужин оказался вкусным, и спала Натка хорошо, сквозь сон слыша через открытое на ночь окно, как плещет Волга. Гостиница, заказанная Костей, находилась на берегу реки, и ветер оттуда дул, несмотря на дневную жару, уже по-предосеннему свежий. И проснулась Натка утром, полная решимости действовать по обстоятельствам, какие бы они ни были.

Заведующая домом ребенка встретила их неласково. С точки зрения Натки, выглядела она именно так, как и полагается чиновнице средней руки, директору казенного дома. Лет пятидесяти с солидным гаком, дородная, с собранными в строгую кучку волосами на голове, выкрашенными в неестественный цвет спелой вишни, отсутствием следов ухода на лице, зато с ярким и не очень аккуратным макияжем. Одета она была в строгое синтетическое платье с короткими рукавами, сильно блестящее на солнце. Одета в мятые льняные брюки и хлопковую размахайку, Натка тут же почувствовала себя несолидной и вызывающей подозрение особой. По крайней мере, смотрела на нее директриса именно так, как смотрят на несолидную и вызывающую подозрение особу.

– Вы меня, наверное, помните, – начал разговор Таганцев. – Я два месяца назад приезжал проводить девочку, Настю Васильеву. Мы бы с женой снова хотели ее повидать.

Надо же, на слове «жена» он не запнулся даже.

– У нас постоянно ходят смотреть детей, – сообщила директриса, которую звали Мариной Васильевной. – Всех не упомнишь.

– Мы бы хотели познакомиться с Настюшей, чтобы окончательно решить вопрос о ее удочерении, – просительные нотки в голосе Кости Натка за несколько лет знакомства, пожалуй, слышала впервые.

И с чего бы это бравый капитан так оробел?

– Вот так прямо и удочерение? – в голосе директрисы звучала ирония. – Милые вы мои, вы хотя бы отдаленно понимаете, как эта система работает?

– Нет, – честно признался Костя. – Но мы уверены, что как раз вы нам все и объясните.

– Так ведь это в мои служебные обязанности не входит, – директриса развела руками. – У нас проблемы с усыновителями нет. Очередь желающих существует. Вы разве не знаете, что за последние десять лет детей в детских домах стало меньше в три раза? Сейчас модно это стало – приемных детей в семьи брать.

– Может, все же не модно, а просто общество стало более гуманным? – поинтересовалась Натка.

От цинизма директора дома ребенка ее почему-то коробило, хотя этому качеству в людях она уже давно не удивлялась.

– Да как хотите, так и считайте, – директриса махнула рукой. – Но у нас постоянно приходят знакомиться с детьми. И Настя Васильева пользуется большим спросом. Это и неудивительно. Наследственность у нее хорошая, генетических отклонений нет, врожденных заболеваний тоже. Три семьи ею интересуются.

«Спрос» тоже звучал цинично, как будто речь шла не о двухлетнем ребенке, а о товаре в магазине. Натка почувствовала, что начала закипать. Костя, видимо, почувствовал это тоже, поэтому взял ее за руку, призывая сохранять спокойствие. Только скандала им сейчас не хватало.

– Мы приехали из Москвы специально, чтобы повидать Настю, – сказал Таганцев директрисе. – Мне кажется, что в этом нет ничего противозаконного. Мы же не просим отдать нам ее в гостиницу или погулять по улице.

– Еще бы вы просили.

– Мы просто поздороваемся с ней, подарим игрушку, если вы разрешите, то конфет. Причем для всех детей хватит. И еще мы будем очень вам благодарны, если вы все-таки введете нас в курс дела, куда нужно обращаться, когда мы примем окончательное решение об удочерении.

– Ребенка повидать разрешу, – вздохнула Марина Васильевна. – Но только на полчаса и в присутствии воспитателя.

– Конечно.

– А что касается процедуры усыновления, то это далеко не так просто, как вам кажется. Сначала вам придется пройти обучение в школе приемных родителей.

– Где? – не поверила своим ушам Натка.

– Ну да. Это требование законодательства. Заявление можно подать на сайте госуслуг. Причем школу можете выбрать не по месту жительства ребенка, а по своему. То есть раз вы из Москвы, то психолого-педагогическую и правовую подготовку можете пройти там. Вам нужно обратиться в орган опеки и попечительства. Подготовка необходима для формирования у граждан воспитательных и родительских навыков, определения ресурсов семьи для содержания и воспитания ребенка, охраны его прав и здоровья. На занятиях вы узнаете основы законодательства Российской Федерации в сфере защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, права и обязанности усыновителей, существующие формы профессиональной помощи, поддержки и сопровождения семей, принявших на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей.

Директриса бубнила так монотонно, что Натка вдруг почувствовала, что у нее начинает кружиться голова.

– По окончании школы вам будет необходимо получить заключение о возможности быть усыновителем, а после этого встать на специальный учет.

– Куда встать? – снова не поняла Натка.

– На учет в качестве усыновителя. Если вы еще не знаете, кого решили усыновить, то следующий шаг – подобрать ребенка.

– Да мы как раз уже, – влез в разговор Костя.

– Ну, значит, повидаете ребенка еще раз. Следующий шаг – обратиться в суд с заявлением об усыновлении. А в случае вынесения судебного решения в вашу пользу зарегистрировать усыновление в органах ЗАГС.

Услышав про суд и его решение, Натка слегка приободрилась. Она была уверена, что Лена им обязательно поможет. Не в плане решения суда, разумеется, а просто информацией и профессиональной юридической консультацией, куда идти и что делать.

Попрощавшись с Мариной Васильевной, Натка с Таганцевым прошли во внутренний дворик дома ребенка, куда детей как раз вывели на утреннюю прогулку. Младшая группа гуляла отдельно от старшей. Увидев малышей, похожих на нахохленных воробьев, Натка вдруг почувствовала, как у нее сжалось сердце. Она хорошо помнила Сеньку в его три года. Ее сыночек, которого она в силу обстоятельств растила одна, никогда не испытывал недостатка в ласке, любви и внимании. Он и выглядел совсем по-другому: улыбчивый, розовощекий пухляш, в глазах которого светились огромное любопытство и полное доверие к окружающему миру.

Для Сеньки с самого рождения мир был внимательным, дружелюбным и полным абсолютной любви. Эти же малыши в массе своей были худенькие и бледные, а в их глазах отражались недетская скорбь и какая-то мудрость, совершенно несоответствующая возрасту. Они даже двигались не так, как остальные дети – подвижные, неугомонные, шевотные. Словно привыкли жить с оглядкой, стараясь не нарушать правил.

– Настюша! – закричал стоящий рядом Таганцев. – Настенька, иди сюда.

От группки детей, которые увлеченно играли на лавочке какими-то куклами, отделилась маленькая девочка с белокурыми

кудряшками, оглянулась на воспитательницу, спрашивая разрешение, получив милостивый кивок, двинулась на тоненьких, похожих на веточки, ножках в сторону Натки и Кости. Ручки у нее тоже были как веточки, а когда она подошла поближе, у Натки перехватило дыхание от синевы огромных, в пол-лица глаз. Ну да, Таганцев говорил, что у этого ребенка совершенно потрясающие глаза.

Натка вдруг подумала о том, что совершенно не подготовилась ко встрече. Что говорят в таких случаях? Называют свое имя? Спрашивают имя ребенка? Но они же уже знают, что девочку зовут Настей. Сразу протянуть куклу или подождать? И вообще, что сейчас думает этот маленький человечек? На что надеется?

Ответ на этот вопрос появился незамедлительно. Остановившись перед присевшей на корточки Наткой, Настя уставилась ей прямо в лицо своими невообразимыми глазищами и требовательно спросила:

– Ты – моя мама?

Мир остановился. Исчез куда-то гомон детских голосов, прерываемый резким покрякиванием воспитательницы. Солнце перестало слепить глаза. Не хрустел песок под тонкой подошвой босоножек. Не дышал взволнованно рядом Таганцев, надежный, любящий, верный Костя, который фактически силой привез ее в Энгельс.

– Нет, – сказала Натка тихо. – Я не твоя мама, малыш.

И не увидев, а скорее почувствовав, как вздрогнул от этих слов Таганцев, добавила поспешно:

– Но я бы очень хотела ею стать.

* * *

Несмотря на раннее утро, термометр уже показывал двадцать шесть градусов. Ну да, днем обещали плюс тридцать два,

невиданное дело для августа. Хорошо, что залы заседаний оборудованы кондиционерами, иначе работать было бы вообще невозможно. Доехав до работы и вознеся хвалу небесам за то, что моя машина сегодня не выдала мне никаких возможных приключений (как бы я в отсутствие Таганцева с ними справлялась, интересно), я поднялась в свой кабинет, где на столе уже стояла обещанная Машкой корзина, из которой выглядывал кабачок. Огурцы, перцы, помидоры и зонтики укропа тоже были на месте. Я вздохнула и переставила корзину на стул, задвинув последний под стол для посетителей. Не хватало еще, чтобы визитеры видели в кабинете федерального судьи выставку урожая.

В кабинет заглянул мой помощник Дима. Улыбка у него была ехидная. Знамо дело, из-за корзины, почему бы еще?

– ЕленСергеевна, – скороговоркой произнес он, – доброе утро. Кофе будете?

– Буду, Дима, – вздохнула я, привычно сокрушаясь, что не забежала в соседнюю булочную за свежими пирожными.

Раз уж мой помощник каждое утро заботливо поит меня кофе, надо и мне вносить вклад в регулярный второй завтрак. Конечно, иногда я так и делаю, но вот сегодня проскочила мимо, решив, что и так сойдет.

– К кофе у меня есть пряники из Базеля, – ответил на мои невысказанные мысли Дима. – Отец только что вернулся из командировки в Швейцарию, привез. Это, чтоб вы знали, прямо символ Базеля. Пряники изготавливают по специальной рецептуре, причем вручную. Рецепт передают из поколения в поколение, и изысканным вкусом эти пряники, говорят, не похожи ни на какие другие в мире. Я решил, что вы должны попробовать.

Мой помощник из очень состоятельной и, что называется, приличной семьи. Его отец работает в МИДе, поэтому Дима может вести весьма безбедную жизнь при довольно скромной зарплате помощника судьи. Признаться, Диме уже давно надо сдавать экзамены и выходить на самостоятельную дорогу, но он продолжает

работать со мной, утверждая, что никуда не спешит, а пока набирается бесценного опыта.

Правда, я подозреваю, что ему просто лень готовиться к квалификационному экзамену, а потом проходить конкурс, вот он и ищет отмазки, чтобы этого не делать. Что ж, при таких родителях это и неудивительно. Надо признаться, что меня такое положение дел тоже вполне устраивает, потому что помощник Дима отличный, дотошный, въедливый, исполнительный, уже с огромным опытом, да и человек хороший. За те годы, что мы трудимся вместе, мы отлично сработались.

– Дима, ты меня балуешь, – сказала я и отхлебнула кофе из поставленной передо мной чашки. – Пряники, да еще из Базеля. Какое дело у нас сегодня слушается первым?

– Об усыновлении, – ответил Дима, отставил свою чашку, отложил надкушенный базельский пряник и с готовностью открыл папку с документами. Мне тут же стало неудобно. – Некая Селиванова Светлана Николаевна подала заявление по гражданскому делу об установлении усыновления в отношении Васенина Алексея Сергеевича, проживающего с истицей по одному адресу. Просит также изменить ему фамилию, имя и отчество.

– Ясно, – проговорила я. – Дима, пей кофе и ешь свой пряник, он действительно очень вкусный. Когда базельцы говорят про неповторимый изысканный вкус, то не врут. Потом у нас нескоро будет время на любой перекус, так что используй его с пользой. А дело я, разумеется, смотрела. Понимаю, что в судебном заседании бывает всякое, но заранее ничего сложного в нем не вижу. Мальчик живет с опекуном уже больше года, органами опеки женщина характеризуется положительно, так что, думаю, проблем не будет.

– А вы заметили, Елена Сергеевна, что дела об усыновлении чаще всего рассматриваются без каких-либо сложностей? – спросил Дима, снова откусывая от пряника. – Без задержек, в сроки, предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом и к огромной радости усыновителей. Часто рассмотрение такого рода

дел занимает совсем мало времени: никто не против, заключение органа опеки и попечительства положительное – три минуты в совещательной комнате, и оглашается решение.

– Так это же вполне объяснимо, – согласилась я. – Органы опеки хорошо знают свою работу, поэтому детей случайным людям не доверяют. Для того чтобы усыновить ребенка, нужно преодолеть немало сложностей. И документы собрать правильно, и школу приемных родителей пройти, и куче критериев соответствовать. Такие решения с кондачка не принимают, поэтому к тому моменту, когда дело доходит до суда, все стороны уже знают друг друга как облупленных и никаких юридических преград для оформления положительного решения нет. Не знаю, как ты, а я такие дела люблю. Времени много не занимает, да и дело доброе в результате сделано. Одним сиротой становится меньше, одной счастливой семьей больше.

– Так-то оно так, – покачал головой Дима и, видя, что я закончила пить кофе, залпом отправил в рот оставшееся содержимое своей кружки и поднялся со стула. – Вот только, честно признаюсь, я бы ни за что не решился усыновить чужого ребенка.

– У тебя и своего-то нет, Дима, – заметила я. – Рано еще про чужих думать.

– Нет, Елена Сергеевна, я серьезно. Конечно, за своего ребенка человек тоже всю жизнь несет ответственность. Вы правы, я, например, к этому пока не готов. А за чужого, да еще с нелегкой судьбой, и ответственность в два раза больше. И вообще, любовь – это ведь химия, наукой доказано. А вдруг не случится химическая реакция с приемным ребенком? Что тогда делать? Жить и постоянно помнить, что он не твой? Ждать, пока у него проявятся плохие гены? Пока он что-нибудь украдет, кого-нибудь ударит или, не дай бог, убьет?

– Глупости вы говорите, Дмитрий, – я почему-то почувствовала, что начинаю заводиться, хотя тема приемных детей меня никак не касалась. – Плохие гены, конечно, существуют, но проявляются, как

правило, в виде наследственных болезней, в том числе, конечно, и психических. Но девиантное поведение по наследству точно не передается. Нельзя стать наследственным наркоманом или убийцей, это приобретенные качества характера, формирующиеся при неправильном воспитании, и поэтому в любящей семье избежать их появления гораздо проще, чем у асоциальных родителей или в детском доме.

– Возможно, вы и правы, – тут же согласился Дима. Я заметила, мой помощник вообще не любит со мной спорить. – Но, признаться, все равно интересно, почему гражданка Селиванова Светлана Николаевна решила усыновить Васенина Алексея Сергеевича, да еще полностью изменить ему фамилию, имя и отчество. Кто ей этот мальчик, как вы думаете?

– А я об этом не думаю, – ответила я, встала и начала надевать мантию. Все-таки хорошо, что залы заседания оборудованы кондиционерами, ой как хорошо. – Это не входит в мои профессиональные обязанности. Более того, подобная информация может нарушать беспристрастность рассмотрения дела. Вынося судебное решение, я руководствуюсь не домыслами, не перипетиями чужой жизни, а буквой закона, показаниями свидетелей и документами. Причины, по которым люди принимают решение усыновить ребенка, изложены в заявлении и изучены мною при рассмотрении дела. А с эмоциями – это не ко мне, это к психологу, – резко отчеканила я и двинулась в зал.

– А как же «внутреннее убеждение», Елена Сергеевна? – хитро пискнул мне вдогонку дерзкий помощник Дима.

В ответ он увидел только мой грозный «судебный» кулак, сжатый за спиной.

Судебное заседание действительно прошло очень быстро. Истица – та самая Светлана Николаевна Селиванова, которая уже два года являлась опекуном несовершеннолетнего мальчика, оказалась приятной дамой лет тридцати пяти, которая ужасно волновалась. Так

волнуются люди, когда решается жизненно важный для них вопрос. Видимо, так оно и было.

Когда я начала оглашать решение, Светлана Николаевна побледнела так, что я испугалась, что ей сейчас станет плохо. Но адвокат, который помогал ей со сбором документов, взяла ее за руку, прошептала что-то на ухо, и Селиванова немного успокоилась. Адвокатом в этом деле выступала Марина Ракова, я знаю ее много лет, и все случаи, когда мы сталкивались в зале суда, оставили у меня очень благоприятное впечатление о ней. И юрист хороший, и человек достойный.

Что ж, именем Российской Федерации, 22 августа 2022 года Таганский районный суд города Москвы в составе председательствующего Кузнецовой Елены Сергеевны с участием представителя органа опеки и попечительства администрации муниципального округа Савельевой Ирины Геннадьевны при секретаре Корниловой О. А., рассмотрев в закрытом судебном заседании гражданское дело по заявлению Селивановой Светланы Николаевны об установлении усыновления в отношении Васенина Алексея Сергеевича, 12 декабря 2015 года рождения, постановил признать мальчика Васенина Алексея Сергеевича усыновленным Селивановой Светланой Николаевной. Присвоить усыновленному мальчику фамилию Селиванов, имя – Александр, отчество – Павлович. Записать матерью Селиванову Светлану Николаевну, без указания отца...

За сухими строчками решения разворачивалась житейская история, в которой было место и чувствам, и эмоциям, и трагедии, и доброте. Прав был Дима, когда об этом думал, ой прав. И хорошо, что, отработав юристом несколько лет, мой помощник сохранил любопытство к чужим судьбам. В хорошем смысле любопытство, которое заставляет видеть за юридическими закорючками живых людей, их смех и слезы.

Светлана Селиванова, которая полтора года назад оформила опеку над мальчиком-сиротой, действительно искренне любила

этого ребенка. Сиротой он, впрочем, оказался при живых родителях. Его мать и отец решением суда были лишены родительских прав, когда малышу не было и двух лет, следующие два года он провел в детском доме, после чего Светлана и стала его опекуном.

Как засвидетельствовали представители органов опеки, у нее с мальчиком сложились хорошие отношения, и довольно быстро он начал называть женщину мамой. Ребенок был обеспечен всем необходимым, рос в любви и заботе. Желание усыновить его было вызвано тем обстоятельством, что через неделю маленький Алекс шел в первый класс, и женщина хотела, чтобы в документах у него стояла ее фамилия.

Светлана Николаевна решила изменить ребенку имя и отчество, чтобы в будущем затруднить родным родителям его поиски, возникни у них вдруг такое желание. Дома малыша называли Алекс, что было производным и от Алексея, и от Александра, так что со сменой имени проблем не возникало. Истица хотела, чтобы в школе дети считали Алекса ее родным сыном, поскольку, по ее мнению, это больше соответствовало интересам ребенка. Алекс тоже был уверен, что Светлана – его мама, не знал, что находится под опекой.

Причины, препятствующие тому, чтобы стать усыновителем, отсутствовали. Светлана Николаевна не признавалась судом недееспособной, не ограничивалась в родительских правах в отношении своих детей, которых у нее двое, была совершенно здорова, имела постоянную работу и стабильный источник дохода, не привлекалась к суду.

В судебном заседании представитель органов опеки и попечительства Ирина Савельева признала требования Селивановой законными, обоснованными и подлежащими удовлетворению, предоставила суду акт проверки условий жизни несовершеннолетнего, а также заключение органа попечительства. Светлана Селиванова вместе с мужем и детьми проживала в благоустроенной четырехкомнатной квартире, в которой маленькому Алексу была выделена своя комната. В квартире сухо,

тепло, светло, сделан качественный ремонт. К походу в первый класс мальчику оборудовано учебное место.

Выслушав объяснения заявителя, представителя органа опеки и попечительства, заключение помощника прокурора, исследовав материалы дела, из которых следовало, что заявителем созданы хорошие материальные и жилищные условия для несовершеннолетнего, хороший уют и нормальный психологический климат, а Селиванова способна обеспечить несовершеннолетнему полноценное физическое, психическое, духовное развитие, суд посчитал заявление подлежащим удовлетворению в полном объеме.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 194–197 ГПК РФ, суд решил: заявление Селивановой Светланы Николаевны удовлетворить. Закончив чтение резолютивной части решения суда по этому гражданскому делу, я захлопнула папку и вышла из зала, успев, впрочем, отметить ошеломленное, счастливое лицо заявительницы. Светлана Селиванова будто не верила своим ушам. Кстати, в момент оглашения положительного решения суда многие усыновители склонны впадать в измененное состояние сознания, своего рода «обморок». Что ж, все мы в первую очередь люди, склонные проявлять эмоции. А уж когда речь идет о детях...

Впрочем, зная по опыту, я была уверена в том, что после принятия подобного решения все только начинается. К сожалению, случаи отказа от усыновленных детей пусть и нечасто, но встречаются. Мне недавно попадалась на глаза статистика, из которой следует, что в 2021 году 5272 ребенка в нашей стране имели опыт вторичного сиротства, то есть были возвращены в детские дома из новой семьи, при этом по сравнению с прошлым годом их численность выросла. Еще восемь лет назад на сто решений о передаче ребенка в семью приходилось пять решений об отмене, а в прошлом году этот показатель уже равнялся семи.

Конечно, некоторые из таких решений были инициированы органами опеки, которые приходили к выводу, что ребенок живет не в надлежащих условиях, однако пятьдесят девять процентов случаев

отмены решения об устройстве детей в семью произошли по инициативе приемных родителей или опекунов. Непростое это дело – воспитывать чужого ребенка.

Любой родитель скажет, что и со своими бывает непросто. Я хорошо помню, как тяжело мне дался Сашкин переходный возраст. Сколько слез пролила моя дочь из-за своих пухлых щек. Даже пыталась на дому сделать пластическую операцию по изменению формы лица. Хорошо, что мы с Таганцевым тогда успели вовремя вмешаться и до беды не дошло^[3]. И все же даже моя, в принципе, послушная и спокойная дочь периодически отчебучивала такое, что я теряла терпение.

Как бы я себя повела, если бы Сашка была мне неродная? Нет, представить такое я не могла даже в самых смелых фантазиях. Ну хорошо, а была бы я в состоянии стать опекуном другому ребенку? Разумеется да, если бы речь шла о моем племяннике Сене или о сыновьях подруги.

Тьфу-тьфу, конечно, пусть и Натка, и Машка будут живы и здоровы, чтобы их детям никогда не понадобился опекун. А если бы речь шла о совсем постороннем маленьком человеке?

Странно, что до этого я никогда об этом не думала. Впрочем, чего удивляться. Сашку я воспитывала одна, пройдя через все трудности, обычно выпадающие на долю матери-одиночки. Мой бывший однокурсник, волею случая оказавшийся Сашкиным отцом, никогда в жизни дочери не участвовал, ни материально, ни морально. Временами мне было так трудно, что я думала – не справлюсь. Какие уж тут усыновленные дети.

Но к людям, не боящимся взять на себя ответственность за чужого малыша, я отношусь с глубоким и искренним уважением. Поэтому хочется верить, что Светлана Селиванова никогда не пожалует о том, что судья Кузнецова приняла положительное решение об усыновлении, и мальчик Алекс будет счастливо жить с этой доброй женщиной, которую считает мамой.

До следующего заседания у меня оставалось полчаса. Иск о восстановлении на работе, взыскании заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда. Листая материалы дела, заботливо положенные моим помощником в следующую папку, я подумала, что вполне могу позволить себе следующую чашку кофе. До конца рабочего дня их будет еще семь-восемь. Моя Машка утверждает, что это вредно, и старается пить чай. А я стараюсь не думать о вреде кофе, который очень люблю. Не так уж много радостей в нашей повседневной жизни, чтобы лишаться еще одной.

– Дима, – позвала я своего помощника, – а у нас остались эти волшебные пряники?

* * *

После встречи с Настюшей Натка была тиха и задумчива, что вообще-то было ей несвойственно. Таганцев вел машину, искоса поглядывая на нее, но ни о чем не спрашивал, давая возможность упорядочить скачущие в голове мысли. За это Натка была ему особенно благодарна.

Когда машина остановилась, Натка даже не сразу поняла, куда они приехали. Ах да, это же пляж. Перед глазами расстилалась довольно широкая полоса, засыпанная мелким и очень чистым песком с проложенными пешеходными дорожками. Детские и спортивные площадки, спасательный пост и медицинский пункт свидетельствовали о том, что пляж не является диким. Вот только народу, несмотря на жаркий день, на пляже оказалось немного. Впрочем, вторник, все на работе, чему удивляться.

– Ты посмотри, как все продумано, – выразила удивление Натка. – Отличный пляж, спуск к воде пологий, а вон смотри, и кафе есть, и детские аттракционы, и шезлонги с зонтиками в прокат дают. Такое чувство, что мы не в России, а за границей.

– Скажешь тоже, – Таганцев даже засмеялся, – сейчас повсеместно зоны отдыха оборудуют ничем не хуже, чем за границей. Мне зимой ребята рассказывали, что этот пляж только прошлым летом в порядок привели, и сюда сразу люди съезжаться стали. И из Саратова приезжают, там своего городского пляжа нет, а тут вон сколько места, на всех хватит. А для детей и водные горки, и батуты.

– Как думаешь, а нам разрешат Настю на пару часов погулять взять? Мы могли бы ее сюда привезти, – сказала Натка, у которой из головы не шла белокурая синеглазка с кудряшками.

– Я о том же самом думаю, – признался Костя. – Давай так, мы с тобой сегодня все обсудим, а завтра снова поедем в дом ребенка и опять поговорим с директрисой, чтобы определиться, что делать дальше.

– Она мне так не понравилась, – призналась Натка.

– Кто? Настюша?

– Нет, конечно. Директриса эта. А Настюша – ангел.

– Рано делать выводы. В конце концов, эта женщина нас видит в первый раз в жизни. Точнее, меня во второй, но это ничего не меняет. Она же отвечает за этих детей, поэтому вряд ли должна бежать с распростертыми объятиями навстречу любому визитеру. А вдруг мы проходимцы какие-то. Кстати, надо бы узнать, какие документы нужно оформить, чтобы Настю отпустили с нами погулять. Вряд ли это можно сделать просто людям с улицы, которыми мы являемся. Ладно, с этим разберемся, а пока айда купаться. Жарко.

Впрочем, их надеждам не суждено было сбыться. Пляж действительно был прекрасным, но вот вода у берега выглядела так, словно в нее перевернули гигантскую банку с зеленой гуашью.

– Что это? – оторопело спросила Натка. – Почему вода зеленая?

– Так Волга цветет, – спокойно пояснила стоящая рядом старушка с палками для скандинавской ходьбы в руках. – Вы не местные, да? Иначе бы знали, что это каждый год происходит. Нормальное явление для наших краев.

– Но почему?

– К середине июля вода обычно прогревается и начинает цвести, а к августу эта зелень усиливается. Если через эту полосу пробраться, то дальше можно купаться, вода чистая. Просто вылезать будете, снова испачкаетесь. Но душевые кабинки работают, зелень можно смыть. Она не опасная совершенно. Это просто сине-зеленые водоросли.

– Нет уж, спасибо, – пробормотала Натка, с содроганием глядя на набегающую на берег зеленую волну, оставляющую на песке липкую кашицу. Она представила ее на своей коже и даже передернулась от омерзения. – Как обидно должно быть местным – жить на берегу Волги и не иметь возможности выкупаться.

– Да мы привыкли, – пожала плечами старушка. – Для нас это вполне привычная картина. А вот приезжие и удивляются, и расстраиваются.

– Поехали отсюда, – решительно сказала Натка Константину. – Раз купаться нельзя, то нечего тут делать. Давай лучше разбираться, какие документы нам нужны, чтобы забрать Настю.

– Наташа, так ты согласна удочерить девочку? – спросил Таганцев, когда они снова сели в машину. – Это же очень серьезный шаг, и мне бы не хотелось, чтобы ты считала, что я на тебя давлю.

– Ты на меня не давишь, – пожала плечами Натка. – Ты прав в том, что, глядя на этого ребенка, невозможно не влюбиться. Конечно, я бы предпочла побольше о ней узнать. Кто ее родители, почему она оказалась в детдоме. Ты впервые услышал о ней, когда она попала в больницу. Почему? Может, у нее постоянные проблемы со здоровьем. Согласись, что все это важно знать.

– Я и не спорю, – Костя смотрел на нее с нежностью. – Когда поднялся шум из-за того, что к Насте в больнице никто не подходил и я включился в решение этого вопроса, я успел выяснить, что мать девочки отказалась от Насти прямо в роддоме, вернее, просто сбежала оттуда, не уведомив медицинский персонал. Девочку передали в дом малютки, потом органы опеки вышли в суд с инициативой лишения нерадивой мамы родительских прав, так

как на руках заявления об официальном отказе от ребенка не было, то рассмотреть это дело в упрощенном порядке не представлялось возможным. Матери ребенка прислали повестку в суд, чтобы она официально подтвердила свое нежелание воспитывать Настеньку самостоятельно, но эта женщина на заседание не явилась. Решение было принято в ее отсутствие, но еще полгода по закону отводилось на то, чтобы мать ребенка одумалась и вернулась. Этого не произошло, так что удочерение Настюши по закону возможно.

– Но почему она так поступила?

– Понятия не имею, – пришел черед капитана Таганцева пожимать плечами. – Может, ее материальное положение не позволяло ей воспитывать ребенка. Может, не хотелось быть матерью-одиночкой. Но Настя – здоровый ребенок. Это я выяснил. В больнице она оказалась, потому что просто сильно простудилась. Так бывает, но никаких серьезных хронических болезней у нее нет.

– Кость, давай сегодня поедem в детский дом и снова поговорим с заведующей, – сказала Натка просительно. – Скорее всего, нам придется собрать целую кучу документов, а для этого нужно вернуться домой. Зачем нам тут тратить время? Купаться нельзя, отдыхать не получится, потому что мы оба сильно нервничаем. Лучше все узнать и начать действовать. Ты согласен?

– Согласен, – улыбнулся ее горячности Таганцев. – Хорошо, поехали. Но с Настей тебе надо познакомиться поближе, так что узнаем, дадут ли нам погулять с ней пару часов.

Увидеть их снова заведующая домом ребенка была точно не рада. Интересно, почему? В конце концов, она должна всячески способствовать тому, чтобы ее воспитанники находили себе семьи и любящих родителей. Или это именно Наталья Кузнецова и Константин Таганцев вызывают у нее такое сильное неприятие?

– Что-то еще? – спросила она, увидев парочку на пороге своего кабинета.

– Да, мы хотим официально уведомить вас, что намерены начать процедуру удочерения Насти Васильевой. И еще узнать, можем ли

мы, пока идет этот процесс, брать Настю на несколько часов в день, чтобы ребенок к нам привык.

– Это не так просто, – директриса позволила себе усмехнуться, видимо, их наивности. – Для того чтобы оформить гостевой режим для детей-сирот, нужно предоставить в органы опеки по месту жительства следующие документы: заявление по специальной форме, утверждаемой Министерством образования и науки Российской Федерации, копию вашего паспорта, справку органов внутренних дел, подтверждающую отсутствие судимости, медицинскую справку по форме 164/у-96. Справка из полиции действует год, медицинская – полгода, после этого ее придется обновить. Кроме того, вы можете предоставить в органы опеки любые другие документы, свидетельствующие о том, что у вас есть необходимый опыт в воспитании детей, образование и профессиональная деятельность.

– И это все только для того, чтобы сходить с ребенком в парк? – не выдержала Натка.

– А вы как думали? – строго спросила директриса. – Это же дети, за которых государство в моем лице несет полную ответственность. И доверить ребенка невесть кому – значит подвергать его потенциальной опасности.

– Хорошо, мы соберем все справки, что дальше?

– Простите, вы сказали, что в Москве живете?

– Да.

– Ну, если вы будете готовы ради прогулки с Васильевой каждый раз преодолевать расстояние почти в девятьсот километров, – голос Марины Васильевны теперь звучал ехидно, – то в течение пяти рабочих дней орган опеки проверит все предоставленные вами документы и оформит заключение о возможности временной передачи ребенка. Так как постоянного места проживания в нашем городе у вас нет, то забирать Настю вы сможете лишь на время, без ночевки, ну или вместе поехать на отдых. Для этого вы должны будете предоставить мне заявление о временной передаче ребенка

в свободной форме, копию паспорта, выданное вам заключение органов опеки, письменное согласие проживающих с вами совершеннолетних, а также детей старше десяти лет.

– Моему сыну меньше десяти, – пробормотала Натка.

Марина Васильевна не обратила на ее бормотание ни малейшего внимания.

– Далее я зарегистрирую ваше заявление и в течение семи дней с даты его подачи приму решение. Если оно будет положительным, то выпускается приказ руководителя детского учреждения, с которым вы должны быть ознакомлены под подпись. Отрицательное решение тоже оформляется письменно с указанием причин отказа.

– И на каком основании вы можете нам отказать, если органы опеки решат, что мы подходим под необходимые требования? – спросил Таганцев.

Директриса посмотрела на него совсем неласково.

– Перед передачей в семью с ребенком говорят психологи, педагоги и воспитатели – если ребенок не захочет ехать, временным опекунам предложат выбрать другого подопечного.

– Настюше три года, как она может что-то захотеть или не захотеть?

– Всякое бывает, – вздохнула Марина Васильевна и вдруг стала похожа не на государственную функцию, а на человека. – Иногда детки при виде некоторых взрослых начинают так рыдать, что сразу ясно, что отпускать их нельзя.

– Мы уже встречались с Настюшей, и она не плакала. Более того, она сразу спросила у Наташи, не является ли та ее мамой, – упрямо сказал Таганцев. – Скажите, а правильно ли я понимаю, что оформить гостевой режим гораздо проще, чем опекунство? И можно временно забрать Настю к себе и уже не торопясь пройти необходимые процедуры?

– Временная передача в семью допустима на срок до трех месяцев, – помолчав, сказала Марина Васильевна. – Но я еще раз напомню вам, что Настей интересуются и другие потенциальные

усыновители. И тут для принятия администрацией нашего учреждения положительного решения в вашу пользу будет крайне важно ваше расположение и добровольное сотрудничество.

– Простите, а что именно вы имеете в виду?

Вид у Таганцева стал такой простодушный, что Натка с трудом сдержала улыбку. Костя был опером, сотрудником правоохранительных органов, поэтому вымогать у него взятку, пусть даже завуалированную, представлялось делом рисковым. Смелая женщина эта Марина Васильевна, но ведь она не знает, кто перед ней.

– Я имею в виду спонсорство. – Женщина улыбалась так безмятежно, что становилось совершенно ясно, что ничего она не боится. – Например, нам сейчас очень нужна помощь в оформлении игровой, комнаты психологической разгрузки, а еще требуется несколько компьютеров. Если бы вы определились, с чем можете помочь нашему дому ребенка, то и я бы, в свою очередь, посмотрела, что можно сделать, раз Васильева так вам приглянулась.

У Кости на щеках заходили желваки, и Натка поняла, что он сейчас взорвется. Если они действительно хотят получить девочку, то допускать этого нельзя. Никак нельзя. Она взяла капитана Таганцева за руку, слегка нажала, заставляя успокоиться.

– Мы обязательно подумаем, – елеиным голосом ответила она директрисе. – И поступим строго по закону. Сегодня же мы уедем домой, собирать все необходимые документы. Проконсультируемся там с юристами. Поэтому насовсем мы не прощаемся. До свидания.

– Всего доброго, – сказала директриса, кажется, слегка разочарованно.

Выйдя из детского дома, Натка и Таганцев приняли решение, быстро перекусив, выдвигаться обратно в Москву. Нечего им было делать в Энгельсе в данный момент. Заехав в гостиницу, забрали вещи, заскочили в какой-то ресторанчик, где поели, практически не чувствуя вкуса еды.

Настроение испортилось у обоих, хотя, по большому счету, расстраиваться было еще совершенно не из-за чего. Ну, не думали же они в самом деле, что такое сложное дело, как усыновление ребенка, пройдет легко и гладко. Проблем, связанных с этим непростым решением, должно было быть столько, что только успевай отмахиваться, так что негоже сдаваться при первых трудностях, просто из-за неприятного послевкусия, оставленного разговором.

Главное, что Настя им обоим понравилась, да и они девочке совершенно точно пришлись по душе, а все остальное дело наживное. Решится, обойдется, сладится. И они смогут со всем справиться, и Лена наверняка подсобит. В этом Натка была уверена, хотя и не представляла, как построить самый первый разговор с сестрой. Строгая судья Кузнецова привыкла считать свою младшую сестренку немного взбалмошной и безответственной, а потому решение той вдруг взять и усыновить ребенка наверняка встретит с удивлением, сочтет внезапным и не очень обдуманном порывом. Не было ли это действительно так? Об этом Натка старалась не думать.

Домой они приехали уже глубокой ночью. Квартира встретила Натку тишиной, из которой следовало, что кот Венька точно где-то накосячил. Обычно при звуке открывающейся двери он лениво выдвигался в коридор, нагло потягивался, показывая, что прекрасно проводит время в отсутствие хозяев, близко не подходил, ждал, пока хозяева изволят приблизиться сами и наклонятся, чтобы погладить его между ушами.

Сеньке кот радовался активнее, чем Натке, с которой держал фасон. Сенька был его бессменным напарником по шкодам, так что если в доме что-то случалось, то можно было не сомневаться, что к этому приложили руку (и лапу) девятилетний мальчик и кот. И прятались в недрах квартиры после какого-то очередного бесчинства они тоже совершенно одинаково.

– Я надеюсь, он просто опять что-то разбил, а не застрял в оконной раме и задохнулся, – мрачно сказала Натка Таганцеву.

– Ты же закрываешь окна, когда уходишь из дома, причем именно по этой причине, – откликнулся тот.

– Да, но Сашка приходила кормить кота и могла, забывшись, открыть окно. – Натка вдруг заволновалась, потому что вредный кот успел стать членом ее семьи, за которого она отвечала. Конечно, появился он у нее совершенно случайно и сначала она вовсе не пылала восторгом от того, что теперь у них с Сенькой будет домашний питомец, но за полгода привыкла. Венька стал совсем своим, а своих Натка любила и берегла.

Скинув кроссовки, Костя двинулся по коридору, заглядывая в комнаты, чтобы оценить масштаб бедствия. Он вообще был человеком действия и, понимая, что любимая женщина волнуется, вместо слов перешел сразу к делу. Из кухни он вышел молча, что было неудивительно. Наученная горьким опытом, Натка давно уже не оставляла в пределах досягаемости ни чашки, ни съестное, ни случайно брошенные предметы типа спонжей для нанесения косметики. Знала, что все это будет сброшено на пол мягкими лапами.

В гостиной тоже все находилось на своих местах, а вот из спальни раздался веселый голос Таганцева.

– Все в порядке, этот проходимец жив и здоров. Можно не волноваться.

– Что натворил? – уточнила Натка, скидывая босоножки. – Жертв нет, а разрушения?

– Разрушения есть, – отрапортовал вышедший в коридор Костя. – Сорвана штора и с мясом выдернут из стены карниз. Но ты не переживай, завтра утром я все починю.

– Вот ведь негодяй, – вздохнула Натка. – Это он на шкаф залезает, а оттуда прыгает на штору и раскачивается на ней, уцепившись когтями. Я уж его гоняла-гоняла, но его это будто еще больше подхлестывает. А откормился он за эти полгода знатно, вот карниз наконец-то веса и не выдержал.

«Негодяй», услышав ее голос, видимо, понял, что грома и молний не будет, а потому материализовался откуда-то из недр квартиры, с независимым видом выгнув спину и распушив хвост. Мол, ничего страшного не произошло, так, мелкая неприятность.

– Иди сюда, чудовище, – пробурчала Натка. – Есть хочешь или Александра тебя сегодня кормила? Вот заведем тебе еще одного ребенка, он тебе покажет, где раки зимуют, будет дергать за хвост и душить в объятиях. Узнаешь тогда, почем фунт лиха.

Кот блеснул глазами, показывая, что угрозу услышал и оценил. Что ж, «на кошках она потренировалась», теперь предстоит рассказать новость Сене и Лене. Надо признать, это будет совсем непросто – найти нужные слова, чтобы убедить обоих в серьезности своих намерений, а также в том, что привычная жизнь после принятого решения не пойдет кувырком.

– Костя, мы же справимся? – спросила она. Вопрос, заданный вслух, прозвучал невпопад, потому что всю дорогу от Энгельса до Москвы на волнующую обоих тему они не говорили совсем, а из ситуации с содранной котом шторой он не вытекал.

Тем не менее Таганцев сразу понял, о чем именно она спрашивает. Подошел, обнял, надежно спрятав Натку от всех невзгод мира в кольце своих рук, ответил очень серьезно:

– Конечно справимся, Наташа. Иначе даже и быть не может.

* * *

Весь вечер меня не покидало чувство, будто я забыла что-то сделать. Перебирая в голове рабочие моменты, я понимала, что все намеченное на сегодня выполнено, однако внутреннее неудовлетворение то и дело возвращалось, грызя изнутри. Да что ж такое-то.

Сашка, съездившая на пляж Сенежа, давно уже вернулась домой. Сидела в своей комнате, обрабатывая фотографии и сочиняя

рекламный текст. Выглядела она полностью удовлетворенной и отдыхом, и жизнью в целом. Еще бы, ее день полностью удался. Машину поводила, в озере накупалась, позагорала в приятной компании, кота к Натке покормить заехала, а сейчас занималась тем, что ей нравится, да еще и за денежное вознаграждение. Мечта, да и только. К сожалению, про себя я никак не могла сказать того же самого.

Спать я отправилась, так и не установив причину своего странного томления духа, и, проснувшись утром, с неудовольствием поняла, что посетившее меня с вечера чувство никуда не делось. Я не выполнила что-то такое, что обязательно должна была сделать, но что именно, я по-прежнему не имела ни малейшего понятия. Ладно, в конце концов, жизнь так устроена, что уж про невыполненные обязательства тебе обязательно напомнят.

Этим утром Сашка еще спала, поэтому завтрак пришлось готовить самой. Особенно заморачиваться я, разумеется, не стала. Сделала горячие бутерброды с сыром и маринованными огурчиками. Если Сашка захочет здорового питания, натрет себе сырой моркови с редькой.

В голове шевельнулось какое-то смутное воспоминание, связанное с вкусной и здоровой пищей, и тут же пропало. Ну и ладно, сторонницей ЗОЖ я никогда не была точно. С этой мыслью я и поехала на работу. Помня о вчерашних базельских пряниках, я забежала в кофейню и купила коробочку корзиночек с кремом. Помнила, что этот вид пирожных мой помощник любит больше остальных. Нахлебничество я не признаю ни в каком виде, поэтому сегодня моя очередь «проставляться» к утреннему кофе.

Кабинет встретил меня бодрящим ароматом, поскольку Дима уже колдовал перед кофемашиной. Знал, что начальница вот-вот придет, готовился.

– Доброе утро, Дима, – поздоровалась я, протягивая ему коробку с пирожными. – Вот. Прими благодарность за базельские пряники.

– Корзиночки! – восхитился мой помощник, с наслаждением вонзая зубы в нежный крем. – Спасибо, ЕленСергеевна, знаете вы мою маленькую слабость.

Я внезапно подумала о том, что за несколько лет работы с Дмитрием действительно столкнулась лишь с его любовью к сладкому. Других недостатков у него как будто и не было. И как при таких удивительных качествах он до сих пор не женат? Уму непостижимо, что никакая девушка не догадалась наложить лапу на такое сокровище. Впрочем, вслух я этого не сказала, в нашей профессии важно уметь соблюдать тактичность и некую дистанцию. Юристы не привыкли кидаться словами и всегда следят за филигранностью формулировок.

Первым делом, которое сегодня подлежало рассмотрению, был иск о взыскании пятисот семидесяти тысяч рублей долга. Ответчик утверждал, что никаких денег он не получал, а расписку написал под угрозой насилия. Что ж, надо признать, что у него грамотный адвокат. Согласно статье 808 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор займа должен быть совершен в письменной форме, а его оспаривание по безденежности путем свидетельских показаний не допускается, за исключением случаев, когда договор был заключен под влиянием насилия или угрозы. Сделав подобное заявление, ответчик получил единственную возможность использовать свидетелей для доказывания своей позиции.

Судом была допрошена сожительница ответчика, которая пояснила, что ее гражданский муж никогда таких денег домой не приносил, зато жаловался ей на поведение истца, который требует от него возврата несуществующего долга. Однако сам истец предоставил суду убедительные доказательства того, что ответчик не только занимался частным извозом, как говорила его сожительница, но и был директором и учредителем нескольких юридических лиц, о чем женщина просто не знала. Этим была вызвана ситуация, в которой ему срочно понадобились деньги на короткий срок – понадобилось покрыть долги, возникшие именно в бизнесе.

В судебном заседании были также приведены доводы, что показания свидетеля не могут являться доказательством безденежности договора займа, так как свидетель не присутствовала при этом, а знает о происходившем только со слов своего сожителя. При этом в те две недели, когда происходили описанные события, женщина находилась с ответчиком в ссоре, а потому ночевала не в его квартире, а у своей мамы, так что, строго говоря, свидетелем быть и вовсе не могла.

Между тем истец представил доказательство, подтверждающее договор займа, – расписку, выполненную ответчиком собственноручно в присутствии свидетелей. Ответчик же не представил ни надлежащих доказательств безденежности договора, ни доказательств применения в отношении себя насилия при написании расписки, ни факта изъятия паспорта. В правоохранительные органы он также не обращался. По итогу заседания я вынесла свое решение, удовлетворив искимые требования о возврате долга в полном объеме. Если бы я была не федеральной судьей, а сыщиком, проводящим расследование, то сказала бы, что это дело на одну трубку.

Дальше я взыскала в пользу следующего истца сто пятьдесят тысяч рублей за продажу некачественного дивана, поскольку в судебном заседании было доказано, что все выявленные продавцом товара «повреждения» образовались лишь после того, как диван попал обратно в руки продавца, а фактически проданный товар не соответствовал действующему ГОСТу и ТУ, действующим на территории Российской Федерации. А в следующем заседании, третьем по счету, взыскала с крупной страховой компании сумму недоплаченной части страхового возмещения. Что ж, еще одну чашку кофе я точно заслужила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

Дочки- матери

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

Примечания

1

Из песни Юрия Смылова «Осколки».

[Вернуться](#)

2

Из песни Мурата Насырова «Мальчик хочет в Тамбов».

[Вернуться](#)

3

История описана в романе Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Красотка».

[Вернуться](#)